

Независимая газ. — 1995. — Зокт. — с. 7.

Виктория Шохина

Юбилей

Посвящается Ольге Ческотти

ПРИ СОВЕТСКОЙ власти Есенин был долгое время чуть ли не единственным источником, к которому припадала вся наша огромная, нервная, склонная к депрессиям и истерикам и вечно ищущая художественные формы для них народная душа. К его могиле на Ваганьковское кладбище приходили 3 октября алканы — застаканить за Серегу, Сереженьку, Сергея Александровича. «Эх, Серега, — кто-нибудь самый лиричный поднимал слегка запотевший граненый стакан, — поехали!», как будто он погиб только вчера. В начале 60-х была объявлена подписка на первое после 1926 года собрание сочинений в пяти томах (светло-зеленый переплет), и широкая очередь не один день стояла от «Подписных изданий» на Кузнецком мосту чуть ли не до «Метрополя». Эх, Серега... В вагоне метро, допустим, Арбатско-Покровской линии некто плохо выбритый, со спитым лицом объяснял тому, кто в очках и шляпе, как по-настоящему надо понимать Есенина. В бестолковый разговор ввязывался третий и читал с холодной безуминкой в глазах:

Ну кто ж из нас
на палубе большой
Не падал, не блевал
и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке

оставался...
(И в самом деле — кто? Да никто практически, никто!)

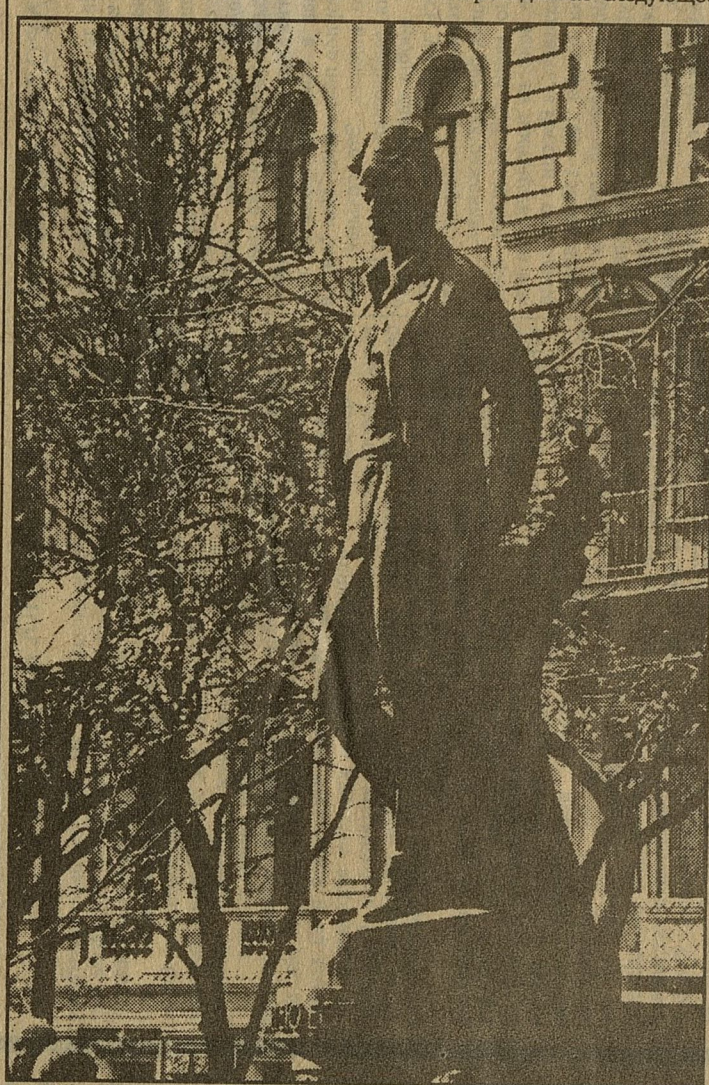
Школьницы в пору полового созревания переписывали друг у друга из заветных тетрадок: «Девочка, не бойся, я не груб. Я не стал развратнее вдаль. Дай коснуться запялавших губ, дай прижаться к девичьей груди» (наверняка только dubia). Когда хотели сказать что-либо доброе про Брежнева (случалось и такое, в номенклатурных кругах), то вспоминали про любовь к стихам Есенина. Нетрудно вообразить бедного Леонида Ильича, после изрядного количества рюмок «КВ» читающего, со слезой на глазах и в голосе, про старушку, которая, возможно, еще жива. И свита, и родня, обслуга и прислуга, тоже едва ли не на последнем рыдании, причем искреннем, шевелила губами

мучились чувством вины перед своим несчастным народом. (Любопытно, кстати, экстраполировать ситуацию на сегодняшний день.)

На самом деле «крестьянин» передернул, лукаво сдвинув фактуру своей жизни в нужном направлении. Приехал он в Петербург вовсе не из деревни, а из Москвы, где к тому времени обретался уже три года. В Москве работал его отец, который и вызвал юношу (благополучно окончившего Спас-Клепиковскую учительскую школу) к себе, в расчете на его дальнейшее образование. Работал Есенин сначала продавцом в книжной лавке на Страстной, потом корректором в типографии Сытина. Московское Охранное отде-

лому, соху и прочие атрибуты мнимой русскости. Это было точно попадание в яблоčko — мода на исконно-посконное, нутряное, от земли проходила свой пик (что подтверждал и феномен Гришки Распутина). Сам Есенин, впрочем, при этом посмеивался: «Хе-хе-хе... Любопытно уж больно потешиться над ними, а особенно когда они твою блесну на лету хватают, несмотря на звон ее железный...» (из письма А.В. Ширавевцу от 24 июня 1917 г.).

Когда поэта в начале 1916 года призвали на военную службу, все тот же Ломан взял его под свое начало в санитарный поезд Его Императорского Величества. Любителям числовой эзотерики может пригодиться следующее:

2 октября открыт новый памятник поэту на Тверском бульваре. Скульптор Анатолий Бичуков.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

РУССКИЙ АРХЕТИП

Если хочешь почитать, почитай Есенина

в такт — есенинская ритмика легка, как песня.

Есенин в виде архетипа коллективного бессознательного был блестяще воспроизведен Василием Аксеновым в «Затоваренной бочкотаре» (1968). Что-то в таком духе: *Идет по росе Хороший Человек, Серега Есенин. Вы помните, вы все, конечно, помните... Серафима, если что узнаю, не обижайся. Шпарит себе по долине. А этого мента, Серафима, я сам, лично... На затылке кепи, в лайковой перчатке смуглая рука. И вам, Серафима, пора за дело приниматься. А мой удел катиться дальше вниз... и т.д.* Но в какой-то момент Есенина стало так много, что фольклор определял это его исключительное место в национальном менталитете в несколько грубоватой, но, в сущности, адекватной форме:

Если хочешь почитать,
Почитай Есенина.
Если хочешь пососать,
Пососи у Ленина.

Это была здоровая реакция того же самого народа на затасканность образца до общего места.

Так, профессиональные «патриоты» (в параллель школьному офицеру) смастерили из его стихов свою лубочную Русь — для валютной «Березки». Любовь к родине, гармонь, околица, туман стелется, хороша была Татьяна, просторы, твою мать! Рассея, рожь да васильки... (В перестройку добавили: Бухарин, злые заметки, жида-комиссары, загубили русского крестьянина, песенную головешку, суки!). Лубочный Есенин был, конечно, трогателен, но кондов, одномерен и оттого скучен до звона в ушах. Впрочем, «патриоты» всего лишь добросовестно воспроизводили ту лежащую на поверхности часть Есенина, которую он сам некогда культивировал на продажу. На этой волне юный поэт, собственно говоря, и въехал победоносно в литературу: с одного боку мчал «хитрый, как лисца», Кляев, с другого — заикливший на сказово-сказочной зауми Ремизов. Тот, кто посередине, был единственным настоящим:

Нет! таких не подмять,
не рассеять.
Бесшабашность им гнилью да-
на.

Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

«Я — поэт, приехал из деревни, прошу меня принять», — писал Есенин Блоку весной 1915 года. Это была вторая записка, на первую, с просьбой поговорить по «очень важному делу», Блок никак не среагировал. Зато в результате проартикулированной «деревни» записал себе на память — с русской доверчивостью и немецкой педантичностью: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 19 марта 1915». Тогда просвещенные баре

ление, установившее наблюдение за неблагонадежным корректором, дало ему кличку «Набор» — курьезный штришок для биографии нутряного, от сохи поэта! (Барышню, с которой он кадрил, почему-то обозначили как «Доска».)

Но, как считал Есенин, «слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжие, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия». Кроме того, он входил в Суриковский кружок. Суриковцы часто собирались в Кунцевском парке близ села Крылатское, и под каким-то романтическим старым дубом именно здесь прошло первое, считай, публичное чтение 16-летнего Сергея Есенина — ему было что показать после своего «лица» в Спас-Клепиках. Он получил там «крепкое знание церковнославянского языка», а также отличные отметки по русскому языку, географии и отечественной истории (не говоря о том, что соученики все как один писали стихи — поветрие!). В Москве он поступил на историко-филологический факультет Университета имени Шанявского, продержался там два курса и даже удостоился одобрения своим стихам от известного филолога, профессора Сакулина («Выткался на озере алый цвет зари...»). Так что пейзажи пастушок оказались тот еще.

У него всегда находились старшие друзья-покровители. Большую роль в его жизни сыграл Иванов-Разумник, единственный, быть может, интеллигент, которого Есенин уважал по-настоящему. В нужный момент Иванов-Разумник отговорил юного поэта писать стихи в честь Николая П. С другой стороны был странный полковник лейб-гвардии Павловского полка Ломан, один из организаторов столь же странного «Общества возрождения художественной Руси». Полковник свел Есенина с императорской семьей. «По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице, — небрежно роняет Есенин уже в советское время. — Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылаюсь на бедность, климат и проч». Замечательный образчик печоринского слога!

По свидетельству современников, толстые дамы в петроградских литературных салонах с умилением лорничевали пастушка: «стоило только ему произнести с ударением на «о» «корова» или «сенокос», чтобы все пришли в шумный восторг». Сам себя он называл тогда поремизовским замысловато «башкишк соломенных суемов». И вообще сильно напирал на со-

личный знак ратника санитаря С.А.Есенина был № 9999. Точно так же спецы в метафизике по достоинству оценят его автограф для графолога: «Победа духа над космосом создает тот невидимый мир, в который мы все уйдём. Сергей Есенин» (7 октября 1915 г.).

Остальное — апокриф, разумеется, использовавший блестящие реальности. Одно имя — ЕСЕНИН. Ценитель «корявых» слов и серьезный теоретик стиха, левый эсер и мечтатель о крестьянском рае, друг-товарищ брутального Блюмкина (отсюда — «... не расстреливал несчастных по темницам») и симпатизант Нестора Махно, муж нескольких жен (первый гражданский брак, кстати, с корректором Сытинской типографии Анной Изрядновой, в 1915-м родился сын) и любовник скольких-то поэтических юношей, декадент и все-таки мужик. Будучи ребенком, проиграл в бабки 4 копейки, данные для покупки просфиров, будучи молодым человеком, прикурил от лампы... Верил в тургеневских чистых девушек и — любил Христа. От любви к Христу его бросало в хулу над миром. Так, прямо по Достоевскому, металась душе этого русского мальчика. И, может быть, ее взлеты и падения из бездны к вершине, с вершины в бездну и составляют ту тайну, которая сделала Сергея Есенина поэтом для всех русских вместе и для каждого в отдельности.

CODA. Отдельный вопрос — о любви к Есенину блатарей. По свидетельству Варлама Шаламова, «это был единственный поэт, «принятый» и «освященный» блатными, которые вовсе не жалуют стихов» («Очерки преступного мира», 1959). Кстати, «есенин» на фене — имя нарицательное, заключенный сочиняющий стихи и песни. И в конце концов блатарь, может быть, самым достоверным образом отражает русскую душу — не зря же все мы любим блатные песни и феню. Символом русского характера вполне можно считать, например, классические татуировки «из Есенина»: на правой ноге «Как мало пройдено дорог», на левой — «Как много сделано ошибок». А на спине, чтобы все видели: «Ставил я на пиковую даму, а сыграл бубнового туза». Найдется ли хоть одна русскоязычная душа, которая на это не отзовется?! Не говоря уже о таком, из «Марфы Посадницы»:

И писал Господь своей
верной рабе:

Не гони метлой
пучу вихристу.

Как московский царь
на кровавой гильбе

Продал душу свою
антихристу..

Вот такие мы. Все.

P.S. Факты для статьи в основном взяты из: В. Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника. М., 1969